

Ольга ФУКС
 Фотографии предоставлены
 пресс-службой фестиваля «Золотая маска»

ДРАМАТИЧЕСКИЙ КОНКУРС
 ФЕСТИВАЛЯ «ЗОЛОТАЯ МАСКА»
 В ЭТОМ ГОДУ БЫЛ САМЫМ
 ДЛИННЫМ – 28 (!) СПЕКТАКЛЕЙ
 ИЗ НОРИЛЬСКА, ПЕРМИ,
 ТВЕРИ, ЯРОСЛАВЛЯ, ГЛАЗОВО,
 ШАРЫПОВО, ХАБАРОВСКА,
 НОВОКУЙБИШЕВСКА, ОМСКА,
 КЕМЕРОВО, НОВОСИБИРСКА,
 САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ.
 ТАКАЯ МАСШТАБНОСТЬ АФИШИ –
 РЕЗУЛЬТАТ НЕ ТОЛЬКО УСПЕШНОСТИ
 СЕЗОНА, НО И МНОГОЧИСЛЕННЫХ
 РАЗНОГЛАСИЙ В РАБОТЕ
 ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА.

«По ту сторону занавеса»

...яет другую дверь и, заглянув в нее, отвечает: «Она нет... Идет...
 Андрей (выходит с ней в руку). Ты что, Наташа? ...
 Наташа. Смотри с ней в руку. (Ставит сумку.) Какой час?
 Ольга на педагогическом совете. Ирина на телепередаче... (Вздыхает.) Сегодня утром плакала
 своей сестре: «Побереги, говорю, себя, Ирина, голубчик! И не слушает. Чего тебе делало,
 говоришь? Я боюсь. Бобик наш совсем нездоров. Стало он хохотать так? Вчера у меня
 был жар, а сегодня хохотный вес... Я так боюсь!
 Андрей. Ничего, Наташа. Мальчик здоров.
 Наташа. Но все-таки лучше пускать жарок.
 Андрей. рожные у нас будут, лучше бы они не присыпали, Андрей.
 Наташа. Сегодня мальчишка проснулся утром и спит на мопе, и вертушка
 значит, ушел. «Бобик, говорю, здравствуй! Здравствуй, малыш! А он смеется. Дети
 понимают, отлично понимают. Так, значит, Андрей, я слышу, чтобы рожные не

Порядок слов

В

конкурсной программе были спектакли хорошие и разные, были настоящие открытия и привычные баталии по поводу решений жюри. Но сейчас, когда 23-я «Золотая маска» уже ушла в историю, а новый экспертный совет вовсю колесит по стране в поисках потенциальных номинантов, хочется вспомнить именно знаковые работы.

Провал победителей

Лев Додин поставил «Гамлета» по текстам Шекспира, Саксона Грамматика (автора шестнадцатитомных «Деяний данов», где есть и Гамлет), хрониста Рафаэля Холин-

«Гамлет»

Фото: Виктор Васильев

шеда, Бориса Пастернака. Но правильнее было бы сказать, что он поставил собственный текст, где есть Гамлет, Гертруда и Клавдий, Офелия и актёры, он весь соткан из шекспировских строк (иногда герои меняются репликами или прихватывают реплики и вовсе из других пьес Шекспира, точно из подбора). Но порядок шекспировских слов придаёт тексту Додина совершенно другой смысл.

«Прогнившее» Датское королевство превратилось в сплошную стройку (художник Александр Боровский). Правда, эта вселенская стройка всё больше напоминает похороны. Обитатели Эльсинора старательно обходят дыры в полу: устоять – значит, выжить. Каждый новопоставленный летит вниз, и команда могильщиков выносит новую могильную доску – больше могил, меньше ям, крепче фундамент новой эпохи.

Все стенания по поводу тесного молодыми нахалами традиционного театра Додин отдал бродячей труппе своих постаревших народных артистов (Сергей Курышев, Игорь Иванов, Сергей Козырев). Но сам мэтр поступил с трагедией радикальнейшим образом. Гамлет Дани-

Фото: Виктор Васильев

лы Козловского не бунтарь, пришедший очистить мир, не интеллигент с муками совести, не новый спаситель. Он сын кровавого тирана, торопящийся вернуть себе то, что – он уверен – принадлежит ему по праву. Гертруда (Ксения Раппопорт), которая, быть может, лучше всех ощутила на себе тиранию мужа и возненавидела её, и Клавдий (Игорь Черневич), интеллигентный, тихий, усталый брат тирана, надеялись избавить страну от этого кошмара да хоть бы даже ценой убийства тирана. Но не поняли, насколько

«Гамлет»

Фото: Виктор Васильев

ко глубоко проросло это зло. За спинами тиранов, нынешних хозяев жизни, – их молодые, жадные до крови, воспитанные в особом цинизме дети, которые совсем не готовы так просто отдать своё творцам этой слабой «датской» оттепели, смертельно уставших и надорвавшихся ещё в пору царствия тирана.

В начале спектакля Гамлет танцует с матерью танго (кардиограмма очень сложных отношений взрослого мужчины и его молодой матери, их соперничества, любви и ненависти, потребности друг в друге и ужасе родства друг с другом), в финале сам протягивает ей бокал отравленного вина, и она пьёт за здоровье победителя свою чашу смерти. «Ты победил», – подтверждает Клавдий и допивает за женой остатки. Гамлет остаётся один на зачищенном пространстве, даря лучшую сцену в этом спектакле – звериный танец победителя, до которого начинает доходить весь космический ужас его положения. Дело не в том, что у него больше не осталось конкурентов, а в том, что вокруг него больше нет живых лиц. Не считать же таковыми расплодившихся деловитых могильщиков, слишком усердно отводящих глаза.

Гости из будущего

Независимо от расклада премий, главной пьесой на фестивале стали «Три сестры», благодаря спектаклю Андрия Жолдака «По ту сторону занавеса» в Александринском театре и «Трём сестрам» Тимофея Кулябина, который не менял ни название, ни текст, но кардинально изменил язык. Обе работы получили спецпризы жюри за актёрский ансамбль, но это совершенно не важно, так как последний фестиваль будут вспоминать в первую очередь из-за этих работ.

К программке спектакля Кулябина прилагается план дома Прозоровых, сцена повторяет этот план, разве что стен нет: у актёров нет выходов – все четыре часа они проживают жизнь своих персонажей прямо на наших глазах. Чеховский текст медленно стекает по стене, точно его пролистывают на планшете, – очищенный от интонаций, наслоений, голосовых модуляций и характеристик. Говорить в этом спектакле умеет только глухой Ферапонт (Сергей Новиков) – и, как ему и положено, не понимает остальных.

«Три сестры» Кулябина сыграны на языке жестов, который актёры

«Три сестры»

Фото: Виктор Дмитриев

специально выучили для этой работы. Специалисты по жестовому языку ворчливо поругивают этот спектакль за языковые огрехи, но на остальную театральную публику этот ход, который поначалу кажется чистым формотворчеством, производит ошеломительное впечатление.

У актёров, лишённых речи, происходит настоящий взрыв выразительности, а ставшая уже тривиальной сентенция о том, что люди у Чехова разговаривают, но не слышат друг друга, а главное – говорят не словами, а разными междометиями – тара-рамами, тарарабумбиями и прочими рениксами, обретает в этом спектакле зримое воплощение.

А между тем этот немой мир издаёт массу звуков – целую симфонию звукописи, точно тайное вырвалось наружу и стало явным. Звякают тарелки и бокалы, жужжит фен, которым Наташа сушит покрашенные ногти, цокают каблучки, орёт телевизор, поёт волчок, который все «слушают», припав к столу ухом, фальшивит Андреева скрипка, подбираясь к правильным нотам. Бьётся в пьяной тоске Чебутыкин в своей

дальней комнате, со страшным грохотом летят на пол мамины часы, плачет разбуженный Бобик в своей светлой и сухой комнате – и никто не слышит его плач. Трещит запасной генератор в третьем акте, когда пожаром охвачен город, пропадает электричество и единственным источником света, единственной связью между людьми становятся смартфоны. И кажется, что не дом Prozorovых, а все земляне хватаются за ошметки световой энергии, спешат подпитать свои устройства, удержать связь друг с другом. Наверное, так будет выглядеть апокалипсис.

К финалу того дома, план которого мы держим в руках, больше не будет. Вся мебель сдвинута и завешена, пространство очищено для чего-то совсем другого, убит Тузенбах, уходят военные. Гремит оркестр, и сёстры вдруг слышат музыку – чувствуют ногами через вибрирующую землю, сами становятся этой музыкой, обретают утраченный смысл, светлеют лицами. Только передать своё тайное знание нам не могут.

Название спектакля «По ту сторону занавеса» Андрия Жолдака соответству-

ет его зеркальному развороту: зрители расположились на великих сценах (Александринка в Санкт-Петербурге, МХТ имени Чехова в Москве). В распоряжении артистов почти вся сцена и весь зал, расписанный светотенью, – шумящий лес, море. Жолдак не был бы собой, если бы поставил Чехова «как написано». Его Чехов – с планеты Солярис, которая возвращала человеку самые страшные его воспоминания, будила совестью. Из отдалённого будущего, где ставят эксперимент – воскрешают сестёр Prozorovых и закачивают им в сознание «все 43 страницы» текста пьесы. Но прежде чем произнести и прожить их, сёстры должны вспомнить свои имена, вспомнить, откуда они родом. И воспоминания их счастливые и постыдные – лес, птицы, солнце, зов матери: «Девочки, домой!» (на плече её висит ружье и в финале оно, как положено, обязательно выстрелит), отец с красоткой Машей (Елена Вожакина) на коленях и отнюдь не отеческой лаской... На отца будет потом мучительно похож нелепый Вершинин (Игорь Волков), немудрено, что Машу с её детской травмой потянет к нему.

Жолдака интересует всё, что просвечивает сквозь слова и поступки: память, травмы, обманутые надежды. И всё, что будет потом. Он ставит без оглядок на какие бы то ни было авторитеты, но прекрасно помня о том, что до него были Бергман и Тарковский, Ларс фон Триер и Фрейд. Этот спектакль огушивает перепадами нежности и насилия, издёвки и плача.

Маша и Вершинин играют в теннис на берегу моря: он неловкий и трогательный, она божественна. Маша кормит Вершинина котлетами – он только что пожаловался, что не ел с семи утра. Любовь

«Три сестры»

Фото: Виктор Дмитриев

«По ту сторону занавеса»

Фото: Катерина Крайцова

Вершинина вырастает из этих простых человеческих радостей: прилетевший на какой-то капсуле из космического далека, он впервые ощущает радость жизни.

Брутальный и закомплексованный Кулыгин (Виталий Коваленко) мстит жене за любовь к Вершинину, насилуя её, точно вбивая, гвозди: «Маша. Меня. Любит. Моя жена. Меня. Любит». Вершинин в это время тоскливо мается в соседней беседке, догадываясь и не смея догадываться, что происходит сейчас с Машей. Хочет уйти и не может. А одеревеневшие сёстры – старые девы – с ужасом взирают на полубезумную Машу с неведомым им семейным и любовным опытом. Она пытается смыть с себя позор водой, в которой плавают поломанные астры Вершинина, – и запах мокрых астр заливают сцену.

Режиссёр позволяет себе перейти порог боли, за который, кажется, никогда так далеко не заходили постановщики Чехова. Эксперимент по реинкарнации трёх сестер завершён. Гремят три выстрела – и сёстры падают, сворачиваясь в позу эмбриона. «Девочки, домой!»

Olga Foux
Photos courtesy of the press-service of Golden Mask Festival

THIS YEAR, THE GOLDEN MASK FESTIVAL'S DRAMA COMPETITION WAS THE LONGEST ONE YET – 28 (!) PRODUCTIONS FROM NORILSK, PERM, TVER, YAROSLAVL, GLAZOVO, SHARYPOVO, Khabarovsk, Novokuybyshevsk, Omsk, Kemerovo, Novosibirsk, Saint Petersburg, and Moscow. The large scale of the playbill is the result of not only a successful season but also of the numerous disagreements in the work of the judging panel.

The Order of Words

T

he productions that took part in the competition program were good and different; there were true discoveries and the usual squabbles over the judging panel's decisions. Yet now, when the 23rd Golden Mask has already become part of history, and the new judging panel is crisscrossing the country in search of potential nominees, it is the landmark works that we would like to remember.

Photo by Victor Vasiliev

have overexerted themselves back during the tyrant's rule.

At the beginning of the production Hamlet dances tango with his mother (a cardiogram of the very complex relationship between a grown man and his young mother, of their competition, love and hatred, their need for one another, and the horror of being related to one another). In the finale he himself hands her the goblet of poisoned wine, and she drinks her cup of death to the health of the victor. "You won," Claudius confirms and finishes the remainder of the wine after his wife. Hamlet remains alone in a cleaned out space, giving us the production's best scene – an animal victory dance of one who's finally starting to realize all the cosmic horror of his situation. It's not that he no longer has any competition; it's that there are no longer any living beings around him. After all, the overwhelming masses of businesslike gravediggers, who all too eagerly avert their eyes, can hardly be considered living.

Guests from the future

Regardless of the breakdown of the awards, it was "The Three Sisters" that became the festival's principal play thanks to Andriy Zholdak's production "On the Other Side of the Curtain" at the Alexandrinsky Theatre and Timofey Kulyabin's "The Three Sisters", where the director changed neither the title nor the text but chose a radically new language. Both works received special jury awards for best cast, but that is completely irrelevant because this latest festival will be remembered first and foremost thanks to these two works.

The programme for Kulyabin's production includes the floor plan of the Prozorov house; the stage mirrors that floor plan with only one exception – there are no walls: actors do not leave the stage – they spend the entire four hours living the lives of their characters before our very eyes. Chekhov's text slowly trickles down the wall as if it's being leafed through on a tablet – void of all inflections, layering, voice modulations, and characteristics. The only one capable of talking in this production is the deaf Ferapont (Sergei Novikov), and, as expected, he can't understand the others.

Kulyabin's "The Three Sisters" was performed using sign language that the actors learned specifically for this production. Sign language specialists grumble and scold this production for

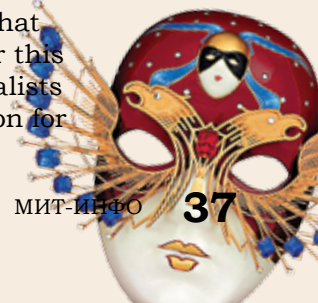
The failure of victors

Lev Dodin staged "Hamlet" on the basis of texts by Shakespeare, Saxo Grammaticus (author of the sixteen volume "Gesta Danorum", which also includes Hamlet), chronicler Raphael Holinshed, and Boris Pasternak. But it would have been more correct to say that he staged his own text, which includes Hamlet, Gertrude and Claudius, Ophelia and the actors. It's woven together from Shakespeare's lines (the characters sometimes swap lines or borrow lines from Shakespeare's other plays altogether, as from a compilation). But the order of Shakespeare's words gives Dodin's text an entirely different meaning.

The "rotten" state of Denmark turned into a wall-to-wall construction zone (artist Alexander Borovskoy). Although this universal construction zone increasingly begins to resemble a funeral. Residents of Elsinore carefully walk around the holes in the floor: to stay standing means to survive. Every newly departed drops down, and a team of gravediggers brings out a new gravestone – the more graves, the fewer the holes, the stronger the foundation of the new era.

Dodin gave all the laments about the traditional theatre being pushed aside by young insolents to a touring company of his older People's Artists (Sergei Kuryshev, Igor Ivanov, Sergei Kozyrev). But the maestro himself treated the tragedy in the most radical way. Danila Kozlovsky's Hamlet isn't a rebel who came to cleanse this world, nor an intellectual with pangs of conscience, nor a new savior. He's the son of a bloody tyrant who's scrambling to get back what he believes to be rightfully his. Gertrude (Kseniya Rappoport), who had experienced her husband's tyranny first-hand and perhaps more so than anyone else, and who had come to hate it, and Claudius (Igor Chernevich) – the tyrant's intelligent, quiet, tired brother, were hoping to rid the country of this nightmare even at the cost of killing the tyrant. But they didn't realize how deep that evil had seeped. Behind the backs of the tyrants, the current masters of life, are their young, bloodthirsty children, who were raised with a special kind of cynicism and who are not at all prepared to give up their own to the architects behind this feeble "Danish" thaw; architects who are deadly tired and who

Photo by Victor Vasiliev

"The Three Sisters"

Photo by Victor Dmitriev

language blunders, but this move, which at first seemed to be nothing more than pure gratuitous form creation, has a stunning effect on the rest of theatre audiences.

The actors, deprived of speech, have a veritable explosion of expressiveness. And the long since trivial dictum that Chekhov's characters talk but don't hear each other and, most importantly, talk in various interjections, tararams, tararabumbiyas, and other nonsense syllables instead of using actual words, is visibly manifested in this production.

Meanwhile, this mute world generates a multitude of sounds – an entire symphony of musical imagery, as if the secret broke free and is revealed to all. The clinging of plates and glasses, the whirring of the fan that Natasha uses to dry the polish on her nails, the clicking of heels, the screaming of the television, the humming of the spinning top that everyone "listens to", putting their ears to the table, the off-key playing of Andrei's violin as it tries to hit the right notes. Chebutykin is beating about in drunken misery in his far room; mother's clock drops to the floor with a terrible racket; Bobik, awakened by the loud

noise, cries in his bright and dry room, and nobody hears his cries. The spare generator sputters in the third act, when the city is engulfed by fire, electricity is gone and smartphones become the only source of light, the only connection between people. And it seems as though it's not the Prozorov house but the entire population of Earth that clings to the scraps of light energy, rushing to charge their devices, to maintain the connection with each other. That is probably what the apocalypse will look like.

By the play's finale, the house, whose floor plan we're holding, will be no more. All the furniture is moved aside and covered up, the space is cleared out for something entirely different; Tuzenbach is killed; the soldiers are leaving. The orchestra thunders, and the sisters suddenly hear music – they feel it in their feet through the vibrating earth, they themselves become this music, regain the meaning that was lost, brighten up. Only they are incapable of transferring their secret knowledge to us.

The title of Andriy Zholdak's production "On the Other Side of the Curtain" corresponds to its mirrored setup: the

audience is placed on the great stages (the Alexandrinsky Theatre in Saint Petersburg and the Chekhov MAT in Moscow). The actors have at their disposal almost the entire stage and the entire audience hall painted with light and shadow – a rustling forest, a sea. Zholdak wouldn't be true to himself if he staged Chekhov "as it was written." His Chekhov is from the planet Solaris, which gave man back his most terrifying memories, awakened him with conscience. From a distant future where they stage an experiment – resurrect the Prozorov sisters and load "all 43 pages" of the play's text into their consciousness. But before saying those lines and living them, the sisters must remember their names, remember where they are from. And their memories are happy and shameful – forest, birds, sun, their mother's call, "Girls, come home!" (she has a rifle slung over her shoulder and in the finale it will definitely fire, as it's supposed to), their father with the beautiful Masha (Elena Vozhakina) sitting on his lap and the affection that is very un-fatherly... The awkward Vershinin (Igor Volkov) will later have a painfully striking resemblance to the father, and it is no surprise that Masha, with her childhood trauma, will be drawn to him.

Zholdak is interested in everything that shines through words and actions: memory, trauma, broken dreams. And everything that would come later. He stages without looking back at any figures of authority, but knowing full well that before him came Bergman and Tarkovsky, Lars von Trier and Freud. The production stuns with its swings between tenderness and violence, sneers and sobs.

Masha and Vershinin are playing tennis on the seashore: he is awkward and

"On the Other Side of the Curtain"

Photo by Katerina Kravtsova

"The Three Sisters"

Photo by Frol Podlesny

sweet, she is divine. Masha feeds Vershinin meat patties – he just complained that he hasn't eaten since seven in the morning. Vershinin's love grows out of these simple human pleasures: having flown here in some capsule from some far off place in the galaxy, he experiences the joy of life for the very first time.

The macho and insecure Kulygin (Vitaly Kovalenko) retaliates against Masha for her love toward Vershinin by raping her, pounding in the words like nails, "Masha. Loves. Me. My wife. Loves. Me." Vershinin meanwhile pines miserably in a nearby gazebo, suspecting and not daring to suspect what is happening to Masha. He wants to leave and he can't. And the numb sisters – old maids – look on in horror at the half-mad Masha with her experience in marriage and love-making that they know nothing about. She tries to wash off the shame with the water where Vershinin's broken asters float, and the smell of wet asters floods the stage.

The director allows himself to cross the threshold of pain that no other Chekhov director ever crossed that far, it seems. The experiment in reincarnating the three sisters is complete. Three shots ring out and the sisters fall, curling up into fetal positions. "Girls, come home!"

